Г-88 М 592777

Гроссман Л.

Позы крепостной поры

Г-88

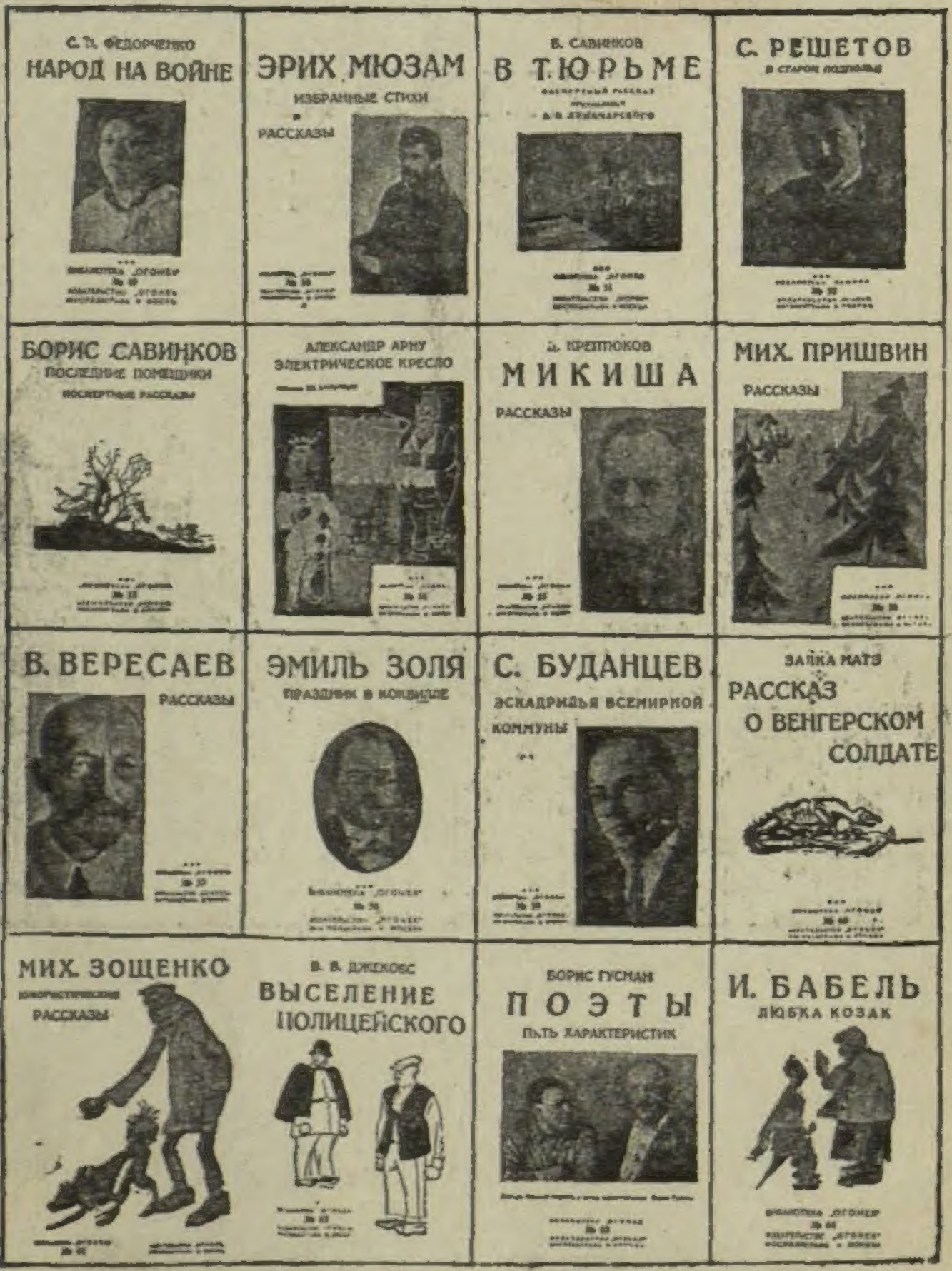
Л. П. ГРОССМАН

Р7

КРЕПОСТНЫЕ ПОЭТЫ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК"
№ 107
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК"
МОСКВА

Вышедшие книжки Библиотеки «Огонек».



ЛЕОНИД ГРОССМАН

ПОЭТЫ КРЕПОСТНОЙ ПОРЫ

Издательство „ОГОНЕК“
МОСКВА — 1926 г.

Г-88

Отпечатано
в типо-хромо-литографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ"
Мосполиграф.
Москва, Арбат, Филиппов-
ский пер., 11.
Тираж 50.000.
Главлит № 41.266.

О М 592777 +
М
ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

КРЕПОСТНЫЕ ПОЭТЫ.

Нет таинства чудесней,
Нет красоты иной,
Как сеять зерна песней
Над вешней целиной.

Сергей Клычков.

I.

Художники, вышедшие из крепостного состояния, не раз привлекали у нас пытливое внимание писателей и ученых. Творческие дарования, пробившиеся наружу сквозь гнетущую толщу рабства, сумевшие преодолеть силой таланта тягостные условия унижений, гонений и насилий, являют редкие образцы героической воли и непоколебимой верности своему призванию. Имена замечательных живописцев, как Тропинин или Шибанов, выдающихся задач, как знаменитый Воронихин, или же крупных музыкальных самородков, как Гандошкин, отмечают только высшие художественные достижения огромной анонимной массы «дворовых» артистов, строивших в течение полутора веков историю русского искусства.

Неудивительно, что многочисленные безвестные художники крепостничества — от музыкантов помещичьих оркестров и актеров усадебных театров до доморощенных живописцев и архитекторов—часто

становились у нас предметом изучения или изображения. От крепостного музыканта в «Неточке Незвановой» Достоевского и помещичьей актрисы в «Сороке-воровке» Герцена до недавнего проникновенного изображения смиренного усадебного портретиста в одной из повестей Шмелева мы имеем не мало опытов воспроизведения трагической судьбы этих людей, рожденных для высшей творческой свободы и лишенных самой элементарной человеческой независимости.

Но по странной случайности до сих пор не изучена особая категория этих подневольных талантов— *крепостные поэты*. А между тем на их судьбе с наибольшей остротой сказывался этот печальный контраст косной среды и выдающегося дарования. При ярко выраженных устремлениях к творчеству, они были менее нужны своему полновластному «господину», чем их бесчисленные товарищи по таланту и несчастью, — музыканты, актеры, живописцы или строители. Это усугубляло драматизм их жизненной судьбы и часто обрекало их на крушение творческих сил или личную жизненную катастрофу.

Поэты, вышедшие из самой гущи народа, по непосредственной цельности и энергии своего творчества представляют обычно исключительное явление. Неудивительно, что Ромен Роллан, стремясь создать тип великого художника Франции, обращается к образу крестьянина — Кола Бреньону. И не странно ли, что глубоко-драматическая судьба крепостных поэтов России остается до сих пор в глубокой тени?

Попытаемся вывести из забвения замечательные образы этих безвестных народных поэтов, первых отдаленных предтеч современной рабочей и крестьянской поэзии.

II.

«Со свойственной русскому человеку сметливостью,—говорит один из историков нашего искусства,—под страхом смертельной порки, крепостные по приказанию барина мгновенно превращались в архитекторов, поэтов, живописцев, музыкантов и астрономов». Такое «искусство по приказанию» не всегда удавалось. И все же «средний уровень художественных вкусов крепостной России был несравненно выше последующего «свободного творчества». Об'ясняется это именно тем, что в художники назначались люди из простой среды, а не «полуинтеллигенты», как это было после. Простой же русский крестьянин одарен от природы не только сметливостью, но и особым, совсем бессознательным, но неизменно верным, пониманием красоты. Недаром же кустари, еще не искушенные городскими науками, создали подлинно-прекрасные ремесла».

Если искусство поэзии и не выдвинуло из рядов «господских людей» таких первоклассных мастеров, каких вербовала из той же среды пластика или театр,—оно знало своих замечательных самоучек. Но отсутствие необходимой школы фатально сказалось на представителях словесного творчества, требующего особых познаний и обширной культуры. Вот почему,

обратившие на себя довольно шумное внимание современников, поэты-крестьяне «первого призыва» затерялись в памяти и совершенно исчезли из нашей литературной традиции.

Но в наши дни необходимо вспомнить об этой группе забытых поэтов. Первые и прямые предшественники Есенина, Клюева, Радимова—ранние поэты крепостной деревни,—до сих пор не вошли в круг признанных, изучаемых, или хотя бы только читаемых, авторов.

Если не считать одного Слепушкина, известного, по крайней мере, по имени, все остальные представители маленькой плеяды крепостных поэтов совершенно неизвестны. Не говоря о читательской массе— кто из историков русской поэзии, из исследователей нашего литературного развития обратил внимание на Егора Алипанова, Ивана Сибирякова, Михаила Суханова, Ивана Кудрявцева? Кто знает «рядового Белкина», крепостного лирика XVIII века Ивана Майкова или московского стихотворца 20-х годов крестьянина Борисова?

Где можно собрать о них необходимые справки, найти указания, хотя бы бегло познакомиться с деятельностью этих поэтов, выпустивших целый ряд стихотворных сборников и обративших на себя в свое время оживленное внимание журналистики, литературной критики, читателей и даже таких мастеров слова, как Пушкин и Дельвиг? Почти совершенно забытые во 2-й половине XIX века, возродились ли

они в эпоху усиленного интереса к прошлому русской поэзии, возбужденного символистами? Напомнили ли о них, наконец, в наши дни, когда крестьянское творчество стало в центре читательского внимания?

Странно сказать—нет. Их так же не знают сегодня, как и до революции, и, разумеется, гораздо меньше, чем столетие назад. Своеобразная группа крепостных поэтов, органически связанная, представляющая несомненно живое целое, от которого потянулись нити к знаменитому Кольцову, Никитину, затем к Сурикову и Дрожжину, и, наконец, к поэтам советской деревни, остается до сих пор в глубокой тени и пребывает в полной неизвестности.

Поистине поразительно отсутствие в нашей литературе указаний на этих поэтов, которые, во всяком случае, были русскими авторами, печатавшими книги и вызывавшими журнальные отзывы, т.-е. несомненно подлежащими научной регистрации. Между тем, в лучшем библиографическом пособии по русской литературе XIX—XX в. в.—в «Русских писателях» И. В. Владиславлева—мы не находим ни одного упоминания о Слепушкине, Сибирякове, Алипанове, Суханове и проч. представителях группы, хотя находим там обстоятельные справки о Галиной, Жадовской, Ратгаузе и многих других мало известных или по заслугам забытых.

Напрасно мы бы стали искать имя Алипанова в самых крупных и образцовых энциклопедиях, как Брокгауз-Ефрон (старое и новое издание), Гранат и проч. В об'емистой «Русской поэзии» С. А. Венгерова, где уже представлены поэты первой четверти XIX века,

как Нелединский-Мелецкий и Карамзин, мы тщетно искали бы имен крепостных поэтов [1]).

Статьи, исследования и монографии не выправили этих пробелов справочных изданий. В живой, с большой любовью и теплом написанной книге В. Л. Львова-Рогачевского «Поэзия новой России; поэты полей и городских окраин» происхождение современных певцов деревни и предместий возводится к Кольцову, Никитину и Шевченко. Эти поэты 40-х и 60-х г.г. совершенно справедливо признаются предтечами современных нам поэтов из крестьян и рабочих. Но на прямых предшественников этой группы мы не найдем здесь указаний, хотя не может быть сомнений, что трудовые поэты середины столетия во главе с Кольцовым и Никитиным продолжали направление, открытое не ими.

Если мы обратимся к «Русской лирике» П. И. Розанова, тонко и обстоятельно написанной книге о поэтах, где представлены и «гусарская муза», и «поэзия земных утех», и «отверженные», где находим Шихматова и Олина, Филимонова и Понугаева, мы снова не найдем ни одного указания на перечисленных нами поэтов [2]).

---

[1]) Только в известном „Критико-биографическом словаре писателей и ученых" Венгеров дает некоторые сведения об Алипанове, считая, что его песни „представляют собой совершенно невозможный литературный сор", его драматические опыты „невозможно плохи" и пр. Таким образом, основательное и всеобщее забвение Алипанова получило авторитетный аргумент.

[2]) Настоящая статья была закончена, когда в только что вышедшей книге П. И. Розанова „Поэты двадцатых годов XIX века" (М. 1925) и по-

Так же обстоит дело и в сборниках, антологиях, хрестоматиях, собраниях русских стихотворений. Все эти «Русские музы», «Чтецы-декламаторы» и проч. неизменно молчат о крепостных поэтах. Ю. Н. Верховский внес в свою антологию «пушкинской поры» одного Слепушкина, хотя стремился, видимо, к большой полноте, включая в свое собрание поэтов анонимных или же совершенно неизвестных.

Из истории русской поэзии выпала целая глава. Не пора ли восстановить ее во всем ее своеобразии? Не следует ли внимательней вглядеться в этот поистине драматические биографии поэтов-самоучек? Если строфы их и не достигают высокого совершенства наших классиков, — как примечательны, необычны и мучительны жизненные пути этих крестьянских лириков!

Подлинным авантюрным романом веет на нас от судьбы рязанского стихотворца Ивана Сибирякова, который обучался в московском народном училище, был отдан затем в кондитеры, увлекся театром, стал актером, затем в 1812 г. отправился в заграничный поход, побывал в Польше, Германии, Франции, превосходно усвоил немецкий язык, увлекся поэзией, стал печататься в лучших русских журналах, был выкуплен за 10.000 из рабства, благодаря участию в нем Жуковского, Глинки, Вяземского, стал затем

священной изучению Дельвига, Козлова, Ленива Давыдова и Рылеева, мы нашли в введении несколько беглых замечаний об интересующей нас группе поэтов. Впрочем, Суханов, Сибиряков и Борисов и здесь не названы.

канцелярским служителем в каком-то департаменте, снова появился на первой столичной сцене и кончил жизнь суфлером «императорских театров»...

Глубокой грустью охвачена судьба Егора Аллилапова, заводского мастерового, увенчанного за свои стихотворные опыты Российской Академией, награжденного за них золотыми часами «из дворцовой казны» и после долгих жизненных скитаний, закончившего жизнь приказчиком на стекляшном заводе своего прежнего барина.

Так же безотрадна биография архангельского крестьянина Михаила Суханова, который с детства получает жестокую выучку в лавке купца-менялы, где в полярную стужу он по 12 часов подряд пересчитывает деньги, так что пальцы примерзают к меди. Но жадное чтение по ночам открывает ему пути к творчеству и приводит понемногу к печатным выступлениям. Он попадает в Петербург, где встречает поддержку у президента Академии, что, впрочем, мало облегчает ему условия материального существования. К 1826 г. относится его жалоба:

Мой друг, не говори мне больше о стихах —
Я занят всякий день претягостной работой
Взгляни, мозоли на руках...
Но я с охотой
Сношу тяжелый жребий мой.

Постоянные скитания, угрозы рекрутчины, служба по откупам, работа в книжной лавке и, наконец, преждевременная смерть, — вот этапы этой судьбы.

И на много ли отраднее биографические данные о Кудрявцеве, Белкине, Ив. Майкове или Борисове?

Попытаемся собрать первые материалы и наметить основные вехи к той затерянной главе из истории нашей поэзии, которую следует озаглавить: «Крепостные поэты».

ЕГОР АЛИПАНОВ.

Я видел: земледел взбыхает над сохою.
Алипанов.

I.

Начнем с Егора Алипанова. Это не только поэт-крестьянин, но и поэт-работяй. В его стихах впервые, почти за столетие до октябрьской революции, мы находим попытку художественного отражения жизни завода, процесса металлургического производства,— конечно, в его тогдашних примитивных формах — и, наконец, картину своеобразного быта крепостных рабочих, почти неизученного и неописанного у нас.

Это сочетание в одном лице крестьянской и рабочей поэзии представляет собой редкое явление. Для наших дней оно особенно примечательно: поэты города и деревни образуют теперь две различные, правда, родственные, но не слитые, семьи. Общее несходство бытового уклада, условий труда, окружающей среды и всех жизненных навыков и впечатлений создают здесь два художественных типа. Недаром современный поэт-крестьянин Клюев обращается к своему городскому собрату Кириллову:

Мы ржаные, толоконные,
Пострадавные, запечные,
Вы—чугунные, бетонные,
Электрические,млечные.

«Я сын полей и вольных пашен, вы—дети фабрик, знойных руд»,—свидетельствует другой поэт-крестьянин Я. Тисленко в стихотворении «Рабочим»:

Ваш—мир огонь и медь машины,
Мой—златорунные поля...

Этого разделения не было и, конечно, не могло быть столетие назад. Один и тот же крепостной человек мог выполнять полевые работы и стоять у горна помещичьего завода. Несложные заводские операции еще не выработали самостоятельных форм рабочего быта и представляли только один из многочисленных видов общего подневольного труда.

Это сказалось полностью на жизни, деятельности и творчестве одного из крупнейших представителей нашей забытой плеяды, авторе многочисленных стихотворений, басен, песен, повести в стихах, водевилей, сказок. Литературное наследие Алипанова не только исторически примечательно,—оно во многом предвосхищает вопросы, темы и задания поэтов наших дней. Личность его приобретает поэтому для нас особый интерес и значение.

Восстановим основные вехи его биографии.

Сын мастерового при Людиновском горном заводе, Егор Ипатьевич Алипанов родился в Калужской губернии в 1802 году. Отец его был крепостным секунд-майора Мальцова. «Воспитание молодого Алипанова,—рассказывает один из его современников,—предоставлено было самой природе... Читать без правил грамматики и писать кое-как выучился он у отставного сержанта».

После некоторого внутреннего кризиса—увлечения духовными книгами и мечтаний о монастыре—он поступает мастеровым на завод, выполняя здесь различные работы и поручения. Плотник и столяр на заводских мастерских, он вскоре, очевидно, выдвигается благодаря своему уму и развитию и в 1824 г. получает должность по приему, отправке и продаже заводского чугуна. С этого времени он каждый год совершает на барке поездку в Петербург, каждую зиму проводит в Зубцове, «находясь у приема товара».

Все это обогащает запас его впечатлений, развивает его литературные наклонности, настойчиво обращает его к поэтической работе. Этому всячески способствует страсть Алипанова к книгам и возможность во время петербургских стоянок знакомиться с поэтическими новинками. «Много сочинений заучил он наизусть,—сообщает один из его первых биографов,—потому что гармония стиха и рифмы полюбились Алипанову». Богатая школа разнообразного житейского опыта как бы пополняется жадными чтениями поэтов. Созерцательная натура, полная творческих наблюдений, только ждет необходимого толчка, чтоб развернуться и действовать.

Этот момент наступает. В руки Алипанова попадают стихотворения Слепушкина. Это решает его судьбу и определяет его писательское направление.

Алипанов пишет свое первое стихотворение: посланье Слепушкину. Он приветствует в нем «певца полей», «жильца рыбацкой мирной слободы» и восхищается его поэмой «Времена года». Понравившемуся жанру

Слепушкина он противопоставляет картины «кристальной фабрики», где среди огня, дыма и расплавленного стекла он любит наблюдать «старанье к трудам всегда поспешных мастеров...»

Этим открывается стихотворческая деятельность Алипанова. Не полагаясь на самобытное творчество и рано привыкший к труду, он погружается в усиленную работу по изучению стихотворного ремесла. Его «Послание к русским стихотворцам» свидетельствует о близком знакомстве нашего поэта с Пушкиным (особенно с «Русланом и Людмилой»); его романс «Грусть по милой» написана на голос «Глажу я безмолвно на черную шаль».

По форме, по строфам, размерам и приемам Алипанова, можно судить о его несомненном знакомстве с Батюшковым, Дельвигом, Ломоносовым, Жуковским, Крыловым. В своих эпиграфах и заглавиях он называет Кантемира и Державина. Для поэта-самоучки 20-х годов это весьма основательная поэтическая подготовка.

Он, несомненно, приобретает большие познания не только в истории поэзии, но и в теории стихосложения. Имеются сведения, что Алипанов тщательно изучал известный в пушкинское время «Словарь древней и новой поэзии» Остолопова, эту замечательную литературную энциклопедию, поэтику и трактат о стихе [1]).

---

[1]) Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым, действительным и почетным членом разных ученых обществ.

Его первый критик и биограф, небезызвестный литератор 20-х годов Борис Федоров, был прав, отмечая «удивительную легкость, с которой Алипанов пишет стихи разными мерами». В этом сказалась не только природная способность поэта-крестьянина, но и его тщательное изучение стихотворного искусства по лучшему теоретическому руководству и по всем классическим образцам русской поэзии.

В середине 20-х годов Алипанов решается представить свои стихотворные опыты на суд некоторых столичных литераторов. Это открывает ему путь в журналы, и стихи его начинают довольно часто появляться в «Отечественных Записках», в «Литературных Прибавлениях» к «Русскому Инвалиду», в детском журнале.

Басни Алипанова обращают на него внимание официального ученого мира. В 1831 г. он, как баснописец, получает одобрение Российской Академии Наук, которая издает «на своем иждивении» том его фабулистических опытов, наградив автора серебряной медалью с надписью «За похвальную в российской словесности упражнения».

Это вызывает решительный перелом в судьбе Алипанова. Получалась некоторая социальная несообразность, смущавшая даже крепостническую совесть николаевского общества. Поэт, увенчанный Академией, продолжал оставаться принадлежностью «секунд-май-

---

Три части, Спб., 1821. — Отдельные статьи из этого словаря, напр. „О пародии", „О комедии" и друг., печатались в старом „Вестнике Европы", 1815, 1816 г. г. и след.

ора господина Мальцова», который сохранял все свои права на продажу академического лауреата, наказание его розгами и проч. Академия нашла нужным ходатайствовать за освобождение Алипанова от крепостного состояния, а его «владелец» почувствовал себя вынужденным выдать ему вольноотпускную.

Это, конечно, далеко не обеспечивало Алипанову благополучного существования. Он приписывается к петербургскому обществу мещан и затем на всю свою остальную жизнь оказывается обреченным на поиски мест, служб и заработков. За последние четверть века своей жизни Алипанов служил управляющим дачами Мордвинова, казенным десятником на постройке «Николаевской» железной дороги, приказчиком на стеклянном заводе своего прежнего помещика Мальцова. Пробовал Алипанов завести свою типографию, но дело не пошло, и все его сбережения погибли.

Женившись еще в 1837 г. на дочери своего первого вдохновителя Слепушкина, Алипанов должен был постоянно заботиться о своей обширной семье. Творческая работа, очевидно, задерживалась тяжелыми условиями борьбы за существование. Силы крестьянского поэта были надломлены, и жизнь его пошла по неправильному руслу. В последний раз его видели в 1856 году на Мальцовском стеклянном заводе, где он служил приказчиком.

«Заботливость о многочисленном семействе и непостоянство счастья жизни изменили его характер,— свидетельствует очевидец,—на лице приметна глубо-

№ 592777

[illegible]
ского друга.

[illegible]

[illegible]

ный подход к «поэту-поселянину». Не дооценил Дельвиг и огромной теоретической работы Алипанова по усвоению приемов и средств современного поэтического языка, т.-е. тех именно свойств, которые сообщали его опытам стихотворную грамотность и чувство глубокого уважения к форме,—начала, несомненно, прогрессивные и ценные для поэта-самоучки.

Алипанов с замечательным искусством и большой художественной чуткостью улавливает различные поэтические стили своей эпохи. Формы сатирического послания Пушкина, идиллии Карамзина, элегии Батюшкова им усвоены безукоризненно. Нельзя не отметить тонкого чутья в понимании любовной баллады и в опыте воспроизведения жанра Жуковского:

Тщетно друга ожидает
Эрезина и вздыхает.
Грустно села под окном,
Подпираясь локотком.
Тщетно взоры вдаль стремятся.
Вот заря спешит заняться,
Отуманен дол и луг,
Часто бьет крылом петух,
Ветерок ковыль волнует,
Томно горлица воркует.
Эрезина друга ждет,—
Он не едет, он не идет.

Также удачно стилизовано «под Жуковского» стихотворение «Полночь у кладбища», где даже имеется такой припев:

. .Лишь каркал черный вран, шумя крылом...

Эта восприимчивость и способность к творческому усвоению трудного поэтического стиля приводит на память слова одного из живших в России иностранцев—Фабра: «Нет народа, который бы с большей легкостью схватывал все оттенки и который бы лучше умел их себе присваивать. Барин наудачу отбирает несколько крепостных мальчиков для разных ремесел: этот должен быть сапожником, тот маляром, третий часовщиком, четвертый музыкантом... Каждый легко и без усилия идет по намеченному пути».

Поэзия Алипанова свидетельствует о таком же даре счастливой и быстрой восприимчивости. Он одинаково легко и верно воспроизводит характер романтической баллады и героический стиль старых классиков. Мы находим у него целый ряд опытов в этой холодной и искусственной манере. Сюда относится, конечно, весь цикл «военных песен» Алипанова. Жанр этот в двадцатые годы еще далеко не изжил себя, и мы встречаем у самого Пушкина не мало образцов того поэтического милитаризма, который обращает нас к громкой героической оде XVIII века. Такие опыты Алипанова, как «Русские воины графу Паскевичу-Эриванскому», «Песня по переходе за Балканы», «Разлука воинов», «Ода на мир с Турцией», нередко снабженные эпиграфами из Державина, написаны в духе классической традиции, отличаются большой напряженностью и в поэтическом наследии нашего стихотворца представляют наименьший интерес.

Гораздо примечательнее сельские идиллии Алипанова. Хотя и здесь в жертву литературной манере

приносится творческая непосредственность, но в этих «Сельских вечерах», «Сельских святках», «Пастушеских песнях» и проч. сквозь пасторальные клише уже часто проглядывают живые черты быта. Костюмы, музыкальные инструменты, игры и маскарадные потехи—все это запечатлено четкими штрихами и может послужить этнографу.

...Звучит балалайка.
Там, слышно, гудит и двухструнный гудок,
„Подай-ка, подай-ка,—
Так дедушка крикнул,—мне звонкий рожок".
Вот песни запели,
А дед заиграл.
Платки златотканны
Вились ветерком,
Блестят сарафаны
Кумачны нарядным златым галуном...

Но Алипанов был не только умелым подражателем и стилизатором. Смелым обращением к темам, еще из разу не затронутым в русской поэзии, он в полной мере проявил независимость своих вдохновений и свою несомненную склонность к новаторству.

III.

Мы уже отметили, что Алипанов первый ввел в русскую поэзию тему фабрики. В целом ряде своих стихотворений он дает у нас совершенно новые описания напряженной коллективной работы на чугунолитейных и стеклянных заводах. Он открывает в на-

шей лирике первую страницу пролетарского творчества.

Эта тема трактуется им, правда, в старинных тонах героической оды или типичного «размышления» поэтов XVIII века. Но интересна сама мысль применить Ломоносовский «высокий стиль» к напряженной, шумной и мощной жизни машин и коллективного труда. Таковы, напр., его «Заводские работы», которые при всем несовершенстве стиха остаются у нас первым гимном рабочего своему заводу.

Люблю смотреть работ стремленье,
Стоя в заводской мастерской,
И вижу дивное явленье...
Не Этна ль пламенем зиает?
Там искры с шумом вверх летят,
Клокоча, лава прах снедает,
И вихри звезд златых кипят.
Таков завод Людинов горный.
Там дым густой свет дневный тмит,
Там пламем дышет горн огромный,
И млатов стук, как гром, гремит.
Река огня в отверстье льется,
Мехов гул томный раздается,
И озеро огня стоит,—
Народ всегда в трудах кипит.
Здесь точат копия стальные,
Мечи воинственных полков... и т. д.

Все эти риторические вопросы, величественные картины, патетические образы явно обращают к ломоносовской манере.

Но та же тема трактуется Алпиановым и спокойнее, в тоне реального описания. В стихотворении

«Труды заводских мастеров» мы находим описание корпуса «железного завода» с его кирпичными горнами и бревенчатыми сводами на каменных стенах. Описан весь процесс работы с момента команды «почтенного мастера» верьхового. Картина засуетившегося завода изображается во всех деталях: кто таскит уголь, кто чугун, кто разводит огонь или пропускает воду в колеса.

Засуетилися старанья.
Все мастера в трудах кипят.
Мехов раздались завывания.
И искры из горнил летят.

Льется расплавленный чугун, и «в горнах огромными буграми металлы грубые слились»... Вокруг горнила собирается толпа рабочих «в защитках кожаных». Соединенными усилиями с помощью «большой кочерги» к молоту катят «крицу».

Огромный молот поднимался
И крицу пяющия и долбил...

Наконец, после того, как в атмосфере неимоверного жара с грохотом раздробляется тяжелая руда, наступает час отдыха—пот льется рекою «с чела рабочих мастеров», расходящихся на обед.

Вот поистине страница «производственной поэзии». В строфах забытого стихотворца пушкинской поры дано подробное и наглядное изображение тогдашнего состояния металлического завода. Примитивные приемы работы отражены одним из ее участников с профессиональным знанием дела, с глубоким поня-

мнием его, с любовью ко всем этапам общей работы, без боязни технических терминов и прозаических картин.

В другом стихотворении той же эпохи дана беглая картина стекляпного завода в движении и работе. Это сближает Алипанова по творчеству и судьбе с нашим современником Г. Е. Нечаевым[1]). Автор «Песен старого рабочего» (выпущенных Госиздатом в 1922 г.) родился на сельском стекольном заводе в семье рабочего-стекляпщика и сам продолжал профессию своего отца. В своем творчестве он отразил органическую привязанность крестьянина-рабочего и к деревенскому пейзажу, и к заводской работе. Стихи, в которых он описывает гигантское жерло машины, изрыгающее расплавленное стекло и вызывающее по всему заводу суету гномов-рабочих—

С выражением истомы
И в движениях, и в глазах—

обращают нас к забытым строфам нашего первого поэта-рабочего, к тем алипановским «гимнам заводу», которые остались, вероятно, незнакомыми и Нечаеву, и другим пролетарским авторам.

К этому «рабочему циклу» близко примыкает стихотворение Алипанова «Судоходство во время Троицына дня». В нем, как это часто бывает у нашего поэта, сочетание двух стилей. Общий фон—традиционный пасторальный пейзаж, в заключение модный элегический мотив—страдание «томной души» в разлуке с любезной. Но в центре мы находим тему, еще не затро-

[1]) Скончался 23 ноября 1925 г.

нутую в русской поэзии: «...бурлаки топорами срубали них молодых берез... Древами барки нарядили»... Приказчик, взойдя на полати, отдал приказ: «пора отваливать». Коренной отчаливает, «и дружно грянули веслами со всем усердьем бурлаки». Общая гребля продолжается, пока лоцман не отдает приказа плыть по течению. Излагается беседа отдыхающих гребцов— рассказ инвалида 12-го года об участии в партизанской войне, толки других «о том, что лошади дороже, и сколько у кого земли» и проч.

При обычной и, по вполне понятным соображениям, благополучно-идиллической трактовке этой темы мы и здесь находим широко схваченную трудовую картину старого быта. Едва ли не первый Алипанов ввел в русскую поэзию б у р л а к а. Этот новый образ только в следующем поэтическом поколении получит незабываемую трагическую трактовку в заунывных песнях Некрасова, затем у Дрожжина («бывало берегом реки тянули барку бурлаки и проливали тяжкий пот»...) и, наконец, в наши дни у Александра Ширяевца («уплыву, как только вспенится Волга-матушка река»).

Стоит перелистать любую антологию поэтов пушкинской эпохи, пересмотреть все известные стихотворные сборники, альманахи и журналы того времени, чтобы убедиться, насколько в выборе своих «рабочих» тем Алипанов независим и самобытен. Среди любовных элегий 20-х годов, посвящений и посланий, «гусарских» пьес, опытов в античном стиле, «подражаний псалмам», романсов, путевых картин, даже революционных гимнов, мы ни у кого не находим этих пер-

вых очерков «поэзии труда». За Алипановым остается заслуга решительного обновления русской лирической тематики, введения в нее тех мотивов, которым только через столетие, уже после октябрьской революции, суждено было стать у нас господствующими и центральными.

IV.

Но что удивительнее всего в литературном наследии Алипанова, это наличность в нем явственных нот социального протеста. Казалось бы, в «николаевскую эпоху» поэту из крепостных менее всего возможно было проявить себя с этой стороны. Не требовалось ли от него, напротив, всяческой «благонадежности» и далее активной преданности своим полновластным «господам» в виде хвалебных од и торжественных приветствий?

И все же Алипанову удается провести сквозь эти вполне благополучные строфы свои горькие раздумия о человеческом неравенстве, о власти денег, о тяжкой неправде существующих взаимоотношений. Он это делает обычно в форме внешне безобидной сатиры или же невинной басни, заостренной, впрочем, к концу довольно горестной моралью. Здесь обычны заключения вроде: «Трудно доброе сказать о том, кто силится бессильных притеснять», «С терпеньем жребий свой, несчастные, сносите, от истуканов же пособий не просите», «С таким судьей чрез две недели зубастые беззубых с'ели», «Молчи—проглотят, свят таков», «Не худо злым давать поменьше сил» и проч.

Иногда этот глухой протест отливается в довольно отшлифованную притчу, как, напр., в отрывке «Собачья жизнь»:

За пляску нежилась Фиделька у господ;
Барбос, хранящий двор, прикован у ворот,
А потчуют его костями лишь на стуже.
Вот правда светская: полезному—жить хуже.

Замечательно, что Алипанов разворачивает эти темы социального протеста преимущественно в форме б а с н и, которая в наши дни стала излюбленным жанром самого популярного пролетарского поэта — Демьяна Бедного. Баснописец после-октябрьской эпохи с несомненным чутьем уловил один из наиболее близких народу видов сатиры и поучения. Недаром мы находим форму басни почти у всех представителей «простой поэзии».

К этой форме близки сатирические отрывки Алипанова. В очерке «Кривая совесть Клима» он дает острую зарисовку купца, обирающего народ:

Клим столько обманул людей в моих глазах.
С безменом плутовским таскаясь в деревнях,
Презря права, закон, кривил своей душою;
В защиту лжи своей он клялся бородою,
Лишь был бы сундучек, набитый серебром,
Нет нужды, хоть ходи крестьянин босиком.
Крестьянину беда, когда теснят оброком,
К нему тащат муки в унынии глубоком.
Саженей за пятьсот не доходя палат,
Снимает малахай, хоть рад, хотя не рад;
Поклон тут отдает, сгибая грубу спину,
И просьбой, и слезой скучает мещанину.
За полцены дает: возьми, отец, на пуд,
А Клим тому и рад...

Остро и наблюдательно намечена дальнейшая судьба «мироеда»:

И в думу он спешит с купецким капиталом,
И стал уже знаком купцам и генералам ..

Клим становится домовладельцем, богачом и, в конечном счете, банкротом.

Весьма искусным приемом Алипанов изображает в другом послании обирательство народа мелкой уездной бюрократией николаевской поры. Он рисует для этого крестьянина, который будто бы «мечтает пойти в солдаты», — это во время всеобщего кошмарного ужаса перед рекрутчиной! Такой, вполне фантастический, образ нужен поэту, чтобы излить уже подлинное, горькое недовольство мужика своей обычной участью: солдатчина ему нужна, как избавление от бесприрывного и сплошного грабежа его скудного хозяйства всевозможным чиновным людом:

Приказные тогда б забыли эти моды,
Чтоб требовать с меня на маслянной подводы,
Я мелких поросят в поклоны б не давал,
Которых лишь себе берет теперь под'ячий,
Рассыльный из суда, за взятками ходячий;
Барашка, петушка исправнику отдай,
Повытчице в поклон цыплят посылай,
А тут отыщется ветчинный обиратель,
Почтенный человек, наш сельский заседатель...
Глядишь приедет к нам в деревню секретарь.
Как хочешь, для него яичницу изжарь,
И земскому давай на разные издержки,
На перья, купорос, чернильные орешки,
На лапти, сапоги десятским, ходокам,
И выборным давай, и земским сторожам,
И то, и се отдай, жирей сам на мякине...

Таким же умелым приемом Алипанов вводит свой протест измученного труженика даже в хвалебную оду своему «барину»: «Чувства крестьян по заведении свекловичного сахарного завода Иваном Аммоновичем Мальцовым». В строфы традиционной похвалы поэт включает свою горькую думу о непосильном крестьянском труде:

Бывало, вставши мы весною
Впрягались с плугом по полям,
Всегда с вечернею зарею
Брели, измаявшись, к домам.
В дни летни зноем утомлялись
И бремя тяжестей несли.
Зимой работой утруждались,
Но скудный плод приобрели.
Серпы и плуги притуплялись,
Волы устали от трудов,
Овечки плодом истощали,
Млеко скудело от коров.

Весь этот правдивый рассказ выправляется в похвалу господину, который дал мудрый приказ засевать ниву «плодоносной свекловицей»: «Теперь нас труд не утомляет» и т. д.

И, наконец, горькую участь крепостного поэта Алипанов воплощает в образе нищего музыканта. В глухом лесу, в осеннюю погоду, без спутника бредет этот обездоленный, наделенный для жизни лишь «гитарой да сумой»...—«Чем отпущник меня умнее? А в счастье он живет»,—раздается столь обычный для Алипанова мотив социального протеста, явственно звучащий сквозь все поэтические прикрасы его похвальных од.

Совершенно очевидно, что в другую эпоху, при иных условиях жизни, труда и творчества эти сдержанные ноты возмущения развернулись бы в гневные гимны и мятежные песни.

V.

Но Алипанов был скован своей эпохой. В период его роста и развития, как в социальном, так и в чисто художественном отношении еще не совершилось раскрепощения русского языка и стиха от застоявшихся форм ушедшего столетия. Огромная работа Пушкина, его ближайших предшественников и всей его плеяды еще не была завершена и, во всяком случае, еще не дошла до народного сознания в эпоху первых опытов Алипанова (начало 20-х годов).

Уже Кольцов, молодость которого пала на 30-е годы, получил непосредственно из рук Пушкина и его кружка свободный и мощный инструмент для своих поэтических вдохновений—сложившийся поэтический язык. Крепостные же поэты 20-х годов еще оставались во власти отживающих традиций и дряхлеющей поэтики, наложивших свой тлетворный отпечаток на их творчество.

Общие условия существования не давали при этом возможности поэту выработать то цельное и воинствующее миросозерцание, которое сообщило бы его строфам необходимый пафос, полет и размах. Алипанов был обречен на вечную заглушенность самых волнующих и дорогих для него тем, на неизбежную

двойственность своих вдохновений, на тягостный внутренний разлад, приводивший его к робким выражениям и даже нередко фальшивым звукам там, где он мог бы при других условиях полногласно выразить всю накипь своих раздумий. Два проклятые дара судьбы—«жажда свободы и доля раба»—вызвали в нем неизбежный внутренний конфликт и снизили его поэтические устремления. Трудно учесть, каких размеров и охватов могла бы достигнуть его несомненная одаренность при иных условиях, когда трагический внутренний вывих социального происхождения не осложнился бы огромным, трудным и сложным художественным кризисом, мощно разделившим на две эпохи историю русской поэзии.

И, тем не менее, Алипанов сумел проявить себя и сохраняет для нас значение несомненного предтечи последующей рабоче-крестьянской лирики. Целый ряд излюбленных тем, мотивов и образов этой поэтической полосы уже отчетливо намечен в его баснях, сатирах и элегиях. Его идиллии с их радостным описанием крестьянских празднеств определенно предрекают господствующие темы Кольцова, у которого получили также углубленное развитие мирные картины крестьянского труда, зачерченные калужским крепостным. Его сатира на темную силу кулачества, мироедства, чиновного или купеческого хищничества, систематически погружающего крестьянство в беспросветную нищету, как бы возвещают любимые темы Никитина. И, наконец, жалобы на тягость рабьего труда в невыносимых условиях социального неравен-

ства, глухо, но явственно звучащие в строфах Алчанова, разрослись в могучую революционную лирику другого знаменитого поэта из крепостных—Тараса Шевченко, уже развернувшего во всю ее жуткую ширь вековую трагедию народного рабства.

Мы отметили выше, какие невидимые нити тянутся от забытых страниц Алчанова к современным пролетарским поэтам, слагающим свои песни «в адском пепле, в тучах пыли, под напев стекла и стали»...

Запомним же облик этого забытого поэта, который так грустно прошел по жизни, с такой безнадежностью встречал свой закат и так безвестно исчез из кругозора современников, из литературных преданий и памяти новых поколений. Если скромное наследие его и не ждет шумной славы и посмертного возвеличения, оно, во всяком случае, заслуживает в наши дни справедливой оценки и благодарного признания.

МИХАИЛ СУХАНОВ.

Простой, безвестный селянин
Из дальнего России края...
Суханов.

I.

В 1826 году крестьянский поэт Михайло Суханов был принят известным русским ученым—адмиралом Шишковым. До нас дошло любопытное свидетельство об этой встрече двух писателей.

«Суханова я видел в первый раз у адмирала А. С. Шишкова,—рассказывал впоследствии один из очевидцев.—Робкий, неуклюжий, но с умным, благородным и честным лицом, Суханов был истинный тип русского человека. В простом синем кафтане, с подстриженными волосами, с небольшою бородою, он стоял в почтительном отдалении пред русским вельможею и на вопросы адмирала отвечал умно и ясно».

Так протекала в России в пушкинскую эпоху беседа двух литераторов. Крестьянский поэт должен был стоять на вытяжку и в почтительном отдалении перед вельможным адмиралом, оказывавшим ему высокую честь своего внимания. Поэт оставался и в кабинете своего собрата по перу крепостным человеком, не смевшим даже присесть в присутствии помещика.

Литературная беседа велась словно по военному уставу с возможностью для низшего чина только отвечать на задаваемые ему вопросы.

Так принимал в 1826 году президент Российской Академии Наук одного из самых выдающихся крестьянских поэтов своей эпохи.

II

В лице Архангельского крестьянина Михаила Суханова мы несомненно имеем одного из наиболее даровитых представителей всей плеяды крепостных поэтов. С большим пониманием своих сил и средств, он не остановился на опытах книжной поэзии и смело обратился к народной песне. Не ограничиваясь подражаниями Жуковскому или Крылову, он разработал с таким совершенством живой материал устного творчества, что создал в этой области ряд образцов, сохранивших до сих пор свое значение. Некоторые поэмы «архангельского Кольцова», как называли впоследствии Суханова, пользовались большой популярностью, перепечатывались в различных песенниках и до сих пор во многом сохраняют свою художественную ценность и поэтическую свежесть.

Биография Суханова характерна для поэта-самоучки начала прошлого века. Жизнь его была трудна и безрадостна. Он имел право «на полпути земного бытия» вводить в свою лирику такие скорбные ноты:

Дождусь ли я,
Чтобы кусок насущный хлеба
Не облит был моей слезой?

[illegible]

[illegible]

1. [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

наивности ребяческой, потому, что не знает самых простых вещей. Он хочет учиться французскому языку и желает побывать где-нибудь за границей. Он достает книги отовсюду, где только можно достать, и собрал у себя уже достаточное количество, но жалеет, что не мог достать лучших для руководства и занятия ими на свободе к основательному изучению и образованию себя».

В августе 1824 г. Суханов переезжает в Петербург. Переезд этот длился целый месяц (с 29 июля по 1-е сентября) и был описан в «Путевом журнале крестьянина Суханова», опубликованном тогда же в печати. Цель поездки—стать ближе к литературе. Поэт рассчитывал при этом «найти себе место у какого-нибудь купца на конторе».

Но если деловые планы его и не осуществлялись, он несомненно успел в чисто литературном отношении. Эпоха до известной степени благоприятствовала народному стихотворцу.

Это было время «стилизованной народности», т.-е. литературной моды на крестьянское искусство. Некоторые журналисты обратили внимание на Суханова, и стихотворения его, начиная с 1826 г., появляются в различных журналах и альманахах («Сыне Отечества», «Благонамеренном», «Славянине», «Памятнике отечественных муз» и друг.). Поэт начинает бывать в литературно-журнальных кругах, посещает издателя «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» А. Ф. Воейкова, встречается с В. Федоровым и друг. В это время его принимает Шишков.

Но, несмотря на известное сочувствие и поддержку в литературных кругах, и даже на удачные шаги в печати, Суханову жилось в Петербурге нерадостно и нелегко. Уже в предисловии к собранию его стихотворений 1828 г. издатель, по совершенно свежим свидетельствам, отмечает тяжелый конфликт в его биографии. Стихотворения его печатались и «читались многими с удовольствием»,—«а сам Суханов, тогда находился в крайней бедности.» Надежды найти себе место у какого-нибудь купца не оправдались. «Люди торговые мало ценили дарования человека, занимавшегося словесностью... Крестьянин-поэт несколько времени имел пристанище у ремесленника, которому помогал в работе. Он даже не имел теплого платья, а открыться в крайности и просить—стыдился»...

В это время Суханов в послании к другу свидетельствует, что «занят всякой день претягостной работой»... Жизненный режим его исключает возможность заниматься поэзией: «Встаю всегда с зарей; возьму ведро и за водою иду на славную Неву...»

Приду ли в дом,
Тогда займуся
Другим трудом
И всякой час я до поту тружуся...

Неудивительно, что это послание открывается подлинным стихом-стоном:

Мой друг, не говори мне больше о стихах!

Впоследствии он вспоминал это время, как «дни бед и испытаний»:

> Я был тогда над грозною пучиной
> Житейских бед, ревущей подо мною,
> И мнил в нее низринуться всечасно.

В судьбе Суханова принимает ближайшее участие литератор и поэт Борис Федоров. Ему удается одновременно продвинуть Суханова на литературном пути и устроить его в практическом отношении, предоставив ему место поверенного по откупам в Ярославской губернии. В это время Архангельское общество «по случаю рекрутской очереди» требует возвращения Суханова на родину. Опасаясь, чтобы рекрутчина не имела «бедственного влияния на слабое здоровье Суханова», литературные друзья во главе с Федоровым издают сборник его произведений («Басни, песни и разные стихотворения крестьянина Михаила Суханова». Спб., 1823), «дабы продажею экземпляров сей книги собрать сумму, достаточную на выдачу за него рекрутской квитанции обществу»... План очевидно удался—Суханов на военную службу не попал. Издание же его стихов оказало ему еще одну услугу: Российская Академия признала автора достойным серебряной медали.

Но ни заметный успех в критике, признавшей «в баснях Суханова много остроумия, в стихотворениях-песнях милую простоту, познание русских обычаев и чувство», ни даже академическая награда не дали поэту-крестьянину нужных условий для его литературной работы. Он продолжает тяготиться своей сто-

личной жизнью, и вскоре в его биографии открывается новый скитальческий период.

«Беспокойный Суханов,—рассказывает Грен, — не любил долго жить на одном месте, часто перебирался он из Петербурга в Новгород, в Вятку, в Пошехонье, в Архангельск. Эти странствия имели важные последствия для литературной работы Суханова, он стал собирателем народного песнетворчества. «Я на своей родине и родине Ломоносова собираю древние русские стихотворения, думаю напечатать их»—писал Суханов из Архангельска Грену. И действительно, в начале 40-х годов выходит его сборник: «Древние российские стихотворения, служащие дополнением к Кирше Данилову». Авторитетный Плетнев приветствовал в своем «Современнике» этот новый опыт собирания памятников народной поэзии.

Все это не спасало Суханова от нужды. В 1840 г. он служил не долго в качестве приказчика у одного книгопродавца, но торгашество было настолько чуждо его натуре, что часто он отговаривал покупателей от покупки бесполезных книжек. Неудивительно, что он пробыл здесь только «с небольшим два месяца» и вскоре снова отправился странствовать.

О характере этих скитальчеств свидетельствуют отрывки из его писем. 10 июля 1840 года он писал Грену из Новгорода: «...Путешествие мое от Петербурга до Новгорода продолжалось почти трое суток. Я ехал с возами, а потому и медленно. В город я прибыл 6-го июля в день открытия здесь памятника, воздвигнутого в честь Новгородского ополчения, подви-

завшегося в 1812 году»... Этот памятник вызывает характерную для созерцательной натуры тоску по активной жизни и борьбе. «Вообразив о славе великих людей, героев нашего времени, я почти завидую их участи и порою охотно променял бы мою бедную сельскую свирель на меч булатный. Но к несчастью природа назначила мне другую участь, другой удел — быть плохим сельским бальдуристом»...

В перерывах между двумя поездками Суханов добывал себе в Петербурге средства к существованию литературным трудом: «По заказу книгопродавцев он составлял сборники русских песен, писал плохие детские книжонки и даже издавал «сонники» и «оракулы». За каждую составленную им книжку он получал от наших аферистов-книгопродавцев рублей 25, а много 50 ассигнациями. Из бедности же он спешил писать стихи, издавал их по подписке, за что получал рублей двести или триста ассигнациями»...

Но при этой вечной нужде, Суханов ухитрялся оказывать окружающим материальную поддержку. Сохранилось свидетельство о его большой отзывчивости. «Он делился с бедняком последними крохами. Однажды архангелогородские земляки его жаловались ему на неурожаи и на недостатки свои. Суханов в это время не имел ни гроша». Но он «занял деньги (20 р. ассигнациями) на Толкучем рынке у знакомого букиниста и выслал землякам своим».

Уже в начале 40-х годов здоровье Суханова сильно пошатнулось, а неудачи личной жизни сгустили его

безрадостное настроение. «Жаль было смотреть на Суханова»—пишет Грен о своей встрече с ним в 1810 году. «Неудачи съедали его здровье и в это-то горестное для него время, он написал умную, прекрасную сказку «Весенний снег»:

Весна!—А снег несет...
В полях позябнут яровые.
Пора прийдет—
А что мы станем жать?
Поля, как степь пустые,
Посохнут, пожелтеют все.
Ни колоска на полосе...
А там... зимой
Настанет голод...

«В 1812 году Суханов уехал в Новгород—продолжает летописец его жизни.—Оттуда я не получал от него никаких писем: он пропал из виду. Случайно я зашел в том же году в одну книжную лавку, и здесь получил горестное известие, что поэт Суханов умер. Ему было не более сорока лет».

Есть основание предполагать, что Суханов скончался в Новгороде, где он прожил некоторое время в болезнях и одиночестве.

Так протекла жизнь этого «самородного поэта» среди литературных планов, вынужденной торговли и свободных скитальчеств. Его книги забыты. Но несколько строф его до сих пор живут в песенной народной традиции и, может быть, навсегда сохранятся в ней.

III.

Суханов вполне осознавал свое призвание поэта, отдавал себе полный отчет в его значении, глубоко верил в его смысл.—«Поэтом быть желанием сгораю»,— пишет он в одном из своих ранних стихотворений. И впоследствии он неоднократно возвращался к раздумьям о цели и задачах тружеников слова. В минуты сомнений он вспоминает своих великих предшественников:

Иди своим путем и не робей нимало!
Певцов средь сельских муз довольно уж бывало—
Виргилий, Ломоносов был...

Он требует от поэта чистоты замыслов, бескорыстия, свободы от компромиссов, пренебрежения к условным выгодам, интересам и расчетам.

Поэту ль лестью унижаться?
Уже ли он как низкий раб—
Пред Крезом станет изгибаться?
Будь тверд: имей на все терпенье.

Такими мужественными лозунгами определил Суханов свое творческое дело.—«Так мой любезный друг. Я беден! слов нет»... Но он предпочитает участь нищего поэта всякому благополучию:

Богач, гордясь, при всем стяжаньи—
Умрет и будет позабыт...

Но не такова участь поэта, в которую глубоко верит Суханов. Недаром он выставил эпиграфом к одному из своих стихотворных сборников стих из Державина:

Я пит и не умру.

Все это нисколько не мешает ему вполне осознавать размер своего дарования и границы своих творческих возможностей. Нередко он называет себя «безвестным юношей, — слабейшим из певцов», «плохим сельским бандуристом» и даже тоскует по иной активной жизненной работе. Но в этой-то борьбе высоких заданий и ограниченных возможностей и заключалась та внутренняя драма поэта, без которой не бывает подлинного творчества.

Как и его современник Егор Алипанов, наш «архангельский Кольцов» сумел провести сквозь свои хвалебные описательные или забавные строфы явственные отзвуки социального протеста. Это сказывается даже в его первом прозаическом произведении, в его «Путевом Журнале», выдержанном в условно-благополучном стиле старинных описаний («молодые поселянки, которые жали рожь и пели песни», «зеленеющие рощицы, под сенью которых паслись тучные стада»...). Но и здесь уже проскальзывает кое-где неожиданным острым углом современность: «проехав версты две, повстречалась с нами молодая девушка, лишенная рассудка. Диакон сказывал, что причиной сему было то, что жениха ее отдали в солдаты»...

Но гораздо отчетливее эти мотивы общественного протеста звучат в стихотворениях Сухапова. Он постоянно обращается к таким темам, как «защита сильных», «милость богатых», или «покровительство знатных», причем, все эти замыслы, неизменно трактуются им в саркастическом тоне. Таковы его короткие притчи

и побасенки, отмеченные явными признаками иносказательных социальных памфлетов:

„Соседка!—так траве цветочек говорил:
К чему бы ненависть такая?
Что не даешь мне цвесть, теснишь, лишаешь сил?
„Да ты", в ответ трава сказала, прерывая:
„Клочка земли меня лишил".

Или же родственный мотив в басне «Огонь и береста»:

Как сильного защиты не принять?
Береста согласилась.
Чрез несколько минут вдруг начал дуть Борей.
С своей защитою огонь поближе к ней:
Дотронулся ее, береста запылала...

Характерно, что в основе своего художественного миросозерцания Суханов ставит принцип пользы. При всем его глубоком уважении к Пушкину, которому он противопоставляет в одной басне разных «пустоцветов Парнаса», он менее всего склонен был разделить знаменитое провозглашение, смущавшее впоследствии Некрасова:

„Мы рождены для вдохновенья—
Для звуков сладких и молитв"...

Утилитарная поэтика Суханова отразилась на его басне о том, как паук и пчела заспорили о своем мастерстве:

„Мое полезнее", ответ пчелиный был:
„И потому мое славнее."
Искусству честь,
Но пользу надобно искусству предпочесть—...

заключает поэт-крестьянин. Таково его обычное положение: «Свет тех чествит и тех ласкает, кто не полезнее — а видом поцветней»,—с укоризной отмечает он в другом стихотворении.

IV.

Но наиболее ценной частью Сухановского наследия являются несомненно его народные песни. Здесь он наиболее непосредственен, свободен и творчески выразителен. Ранние его опыты так же показательны в этом отношении, как и позднейшие обработки многочисленных образцов песенного творчества, собранных им во время пешеходных скитаний по Новгородской и Архангельской губерниям и по уезду Пошехонскому.

Как этнограф, как собиратель народного творчества, Суханов представляет весьма примечательное явление. В предисловии к своему сборнику он указывает на методы своих записей: «Эти стихотворения собраны большею частью из уст народа, а другие из рукописных и других печатанных, лет за восемьдесят, сборников»... Мы видели, что собрание народных песен Суханова приветствовал Плетнев в «Современнике»; Белинский в «Отечественных Записках» признал это издание «одним из самых примечательных литературных явлений нынешнего года».

Эта работа собирателя народной поэзии благоприятно отразилась на собственном творчестве Суханова. Перелагая в довольно точных размерах свое-

образные стихотворные построения крестьянских напевов, Суханов удачно сохраняет их ритмы, образы и словесные обороты:

Ах ты, матушка, мать быстра река,
Мать быстра река, Двина Северна,
Ты зачем, зачем, с быстротой течешь?

Иногда он сменяет эти заунывные темпы на более ускоренные ритмические ходы:

В волостном большом селении,
В дни воскресные и праздничны
Красны девицы сбиралися
На лужок цветной муравчатой.

Сборники его народных стихотворений отличаются вообще большим разнообразием напевов. Так сохраняя размер жалобных запевок («Ах ты, матушка, и проч.), но разбивая строки и избегая повторений, Суханов получает новые стиховые типы:

День окончился,
Темна ночь пришла,
Села девица
Под окошечко,
Вышивала плат
Чистым золотом,
Посылала плат
Другу милому...

Своеобразны рассечения, паузы и группировки стихов в таких его отрывках:

Зарастай моя дороженька
Травою,
Зарастай моя широкая
Полынью,

Чтоб никто по той дорожёньке
Не ездил.
И дороженька травою
Зарастала
И широкая—полынью
Застилалась.

Неудивительно, что специальные исследователи нашего фольклора признают песни Суханова особенно ценными по своей народности: они отражают первобытную поэзию не только темой, часто близкой к народной песне, но и поэтикой, и тоном умеренно-грустным: «Здесь Суханов безусловно выше Слепушкина и вне всякого от него влияния; также выше, т.-е. разнообразнее и народнее он и Дельвига» [1]). Некоторые его песни, как, например, «Красна девица сидела под окном», приобрели широкую популярность и неизменно перепечатывались в народных песенниках [2]).

---

[1]) Н. Трубицын „О народной поэзии", Спб. 1912. 496.

[2]) Приведем целиком эту любимую песню народных сборников.

Красна девица сидела пред окном,
Утирала слезы белым рукавом.
Пришла весточка нерадостная к ней,
Что сердечный друг неверен больше ей
Что задумал он иную замуж взять.
Как тут девице не плакать, не вздыхать?
Стали девицу подружки утешать:
„Полно сердцем о неверном тосковать
Ты в селе у нас всех лучше красотой.
Наши молодцы любуются тобой.
Всякий девице желает угодить;
Ты властна из них любого полюбить.
„Пусть их много"—красна девица в ответ
Сердце милого другого не найдет"..

Таково разнообразное литературное наследие Суханова. От опытов книжной поэзии—от хвалебных од, басен и посланий наш «архангельский мужик» пришел к живому, непосредственному и свежему крестьянскому творчеству, к которому одинаково склоняли его этапы личной судьбы и органическое влечение к родным напевам северной деревни.

ИВАН СИБИРЯКОВ.

Необычна и разнообразна была участь «господского человека» Ивана Сибирякова. Это, кажется, единственный из крепостных поэтов, побывавший за границей и проявивший себя в области сценического искусства.

Крепостной одного рязанского помещика Сибиряков отличался с детства страстью к литературе и любовью к книге. Печатная страница вызывала в нем подлинное благоговение. «Книги предпочитал он всем забавам»,—рассказывает его первый биограф П. Свиньин,—вымаливал и покупал изорванные печатные лоскутки и листки газет и журналов у товарищей своих и сохранял их с величайшим тщанием. И когда библиотека его украсилась томом «Аониды», то он гордился ею и не мог на нее насмотреться. Но внезапная утрата сей жемчужины его книгохранилища крайне его опечалила: он подозревал всякого в похищении и грустил до тех пор, пока не заменилось первое место в шкапу его списком с «Бедной Лизы» Карамзина.»

Сибиряков обучался в Московском народном училище, после чего был отдан в обучение кондитеру.

Здесь, невзирая на бесчисленные хлопоты и трудную работу, несмотря на насмешки товарищей, упреки и взыскания старших», он приступает к стихотворной работе.

По словам современника, он в эту эпоху не имел руководителя в поэтическом искусстве и учился стихосложению по случайно попадавшим к нему листам для бисквитов.

В эту эпоху возникает его интерес к театру, сыгравший впоследствии такую заметную роль в его жизни: «Сибиряков—рассказывает тот же современник— был введен однажды братом своим, декорационным живописцем сцены в немецкий театр. Хотя он и не понимал языка, но игра Штейнберга, сие живое представление страстей человеческих—обворожила его: он сделался страстным к театру, по случаю достал он потом комедию «Братом проданная сестра» и затвердил роль Честона; после сего вскоре удалось ему несколько раз быть на Петровском театре, где более и более получал вкуса к драматическим представлениям. На 17-м году расстался Сибиряков с Москвою и прибыл в Рязань, где господин его был директором театра: благоприятный случай сей много содействовал к удовлетворению страсти его. На Рязанской сцене Сибиряков раскрыл свои дарования и принес много удовольствия публике».

Наступает 1812 год. Открывается эпоха странствий и замечательных событий в жизни Сибирякова, живо изложенных с его слов П. Свиньиным. «Доставшись господину М. отправился он с ним в поход и был в

Польше, Силезии, Саксонии, Пруссии, Богемии и Гольштинии. Беспрестанные занятия хлопотной должности (ибо он во весь поход один находился при батарее своем, который был полковым командиром) могли бы искоренить поэзию и стихи из головы всякого другого, но Сибиряков и в шуме забот, и при громе пушек думал только об одной поэзии. Написанные им стихи на некоторые блистательные подвиги Российского воинства приобрели ему всеобщее благоволение, а прекрасный Польской на вступление в Дрезден и замысловатая драма на интригу одного молодого офицера с хозяйской дочерью открыли счастливые его дарования».

Сибиряков принялся за изучение немецкого языка: «в Неймюнстере нанимал он для сего сына городского учителя, платя ему по червонцу на неделю. Через несколько месяцев он уже мог изрядно об'ясниться на языке сем, что заставляло всех еще более отличать его и самыми жителями был он чрезвычайно ласкаем»... Возвратившись в Россию, он «вновь предался страсти своей к стихотворству и театру. Неусыпным стараниям, без постороннего руководства—познакомился он с просодией, узнал сочетание форм и первые правила поэзии»...

В 1818 году стихотворения Сибирякова впервые появляются в печати в «Трудах Общества Любителей Российской Словесности» (и тогда же перепечатываются в «Вестнике Европы»). Занятия по теории поэзии сказались на этой партии стихов и выразились в большом разнообразии жанров. Здесь и бал-

лада, и басня, и надгробие, и опыт вольными стихами, и надпись к портрету. Стихи Сибирякова отличаются несомненной гладкостью и правильным пониманием разрабатываемых стихотворных видов. Так отрывок из баллады «Всемила и Милон» с подзаголовком «слабое подражание размеру стихов г-на Жуковского» довольно верно воспроизводит стиль намеченного жанра:

Стекались черны облака,
И буря поднималась,
И молния издалека
Змеями извивалась.

И только при обращении Сибирякова к близкой и выстраданной теме своего бесправного и отверженного социального состояния стихи его приобретают живую силу непосредственной жалобы:

„Могу ли жизнь еще сносить
С растерзанной душою?
Ужасна бедность, но стократ
Презренье тяжелее;
С ним жизнь не благо—лютый ад
И ада мне страшнее.
Увы, и я, и я рожден
В последней смертной доле,
Природы чувством наделен,
Столь гибельным в неволе.

Сибиряков получает довольно широкий доступ в печать. Опыты его появляются в «Благонамеренном», «Отечественных Записках», «Дамском журнале» и других изданиях.

Печатные выступления крепостного поэта возбуждают к нему в обществе заметный интерес. Ряд видных литераторов принимает в нем горячее участие. Жуковский, братья Тургеневы, Вяземский, Федор Глинка предпринимают ряд шагов в целях освобождения Сибирякова. Известный военный историк Михайловский-Данилевский и даже петербургский градоначальник Милорадович привлекаются к этому делу. Сынын пробует через печать воздействовать на владельца крепостного поэта—рязанского предводителя дворянства Дм. Ник. Маслова, который сумел из этого случая извлечь для себя небывалую выгоду. «Сибиряков господский человек и принадлежит г. М-ву,—писал покровитель поэта в 1818 году.—Честь и хвала г. М-ву, умевшему питать и поощрять способности молодого питомца муз. Станем надеяться, что благородный помещик сей, идя по следам владельца Роттова, Калашникова и других, которые, отклонив себялюбие, открыли им большие способы для усовершенствования своих дарований—что он, по примеру их, впишется в число друзей человечества».

Но «благородный помещик сей», мало повидимому тоскуя по лаврам филантропа, сообразил, что перед ним открывается возможность крупного барыша. Не считая нужным «отклонить себялюбие», он любезно отвечал, что почитает своей «священною обязанностью способствовать счастью человека, своими достоинствами умевшего в почтенных любителях отечественной словесности снискать участие к его освобождению», и, заявляя тут же о своем «приятном долге»

содействовать к общему их удовольствию», потребовал за выкуп Сибирякова весьма крупную сумму в 10.000 р.

Эта чудовищная цена не испугала все же покровителей Сибирякова и в скором времени путем широкой подписки деньги были собраны. Крепостной поэт получил, наконец, свободу.

Пробыв некоторое время в должности канцелярского служителя департамента духовных дел, Сибиряков вскоре отдался всецело своей страсти к театру. Ему удалось поступить на императорскую сцену, где он исполнял комические роли и был суфлером. О живом интересе его к событиям театрального мира свидетельствует его посвящение А. М. Колосовой, в то время только вступившей на сцену. В своем послании молодой артистке после второчного представления трагедии «Мария Стуарт Королева Шотландская» Сибиряков восхищается в первой строфе образами Гермионы, Монны и Антигоны, созданными молодой исполнительницей:

Но право на венок ты снова подтвердила
Марией Стуарт.—Ах! в ней открыла ты
Таланта своего блистательны черты,
Проникнуть в души всех столь редкий дар явила
Столь тронула игрой волшебною своей,
Что Мельпомена бы сама венец вручила
Тебе, любимице своей!
Свершай приятные надежды, ожиданья,
Предшественницу вам собою замени:
Дай вновь трагедии весь блеск, очар ванье,
Укрась бессмертием свои цветущи дни
И общее вознагради вниманье

Но артистическая деятельность не обнаружила сценического дарования в Сибирякове, и с амплуа «полного комика», в котором, по свидетельству А. М. Каратыгиной, он «смешил всю труппу своей наивностью», поэт-актер перешел на должность суфлера—последнее прибежище театральных неудачников. Сохранилось свидетельство, что знаменитый трагик Брянский, нередко плохо знавший свои роли, перед поднятием занавеса иногда призывал суфлера Сибирякова и объявлял ему с комической угрозой: «смотри, чтоб я знал роль»!..

Сибиряков скончался в Петербурге 28 июля 1818 года от холеры. После своего освобождения из крепостного состояния он почти ничего не писал, и литературная деятельность его закончилась с его молодостью.

БЕЗВЕСТНЫЕ И ЗАБЫТЫЕ.

Мы остановились на фигурах трех поэтов ранней крестьянской плеяды. В 20-е годы прошлого столетия, непосредственно вслед за Слепушкиным поднялась эта творческая новь, которой не суждено было в то время взойти и заколоситься. Но перечисленными именами далеко не исчерпывается список крестьянских поэтов крепостной поры.

Их было не мало до Суханова и Алипанова, они продолжали выступать и после них уже в середине столетия. Но часто им совершенно не удавалось выйти из безвестности, отметить свое имя в современной журналистике, оставить нам в наследие хотя бы скудные сведения о своей жизни, труде и поэзии. Крепостная Россия создавала своих анонимных художников, и только случайно дошедшие до нас строки свидетельствуют об огромных творческих силах этой забытой «безымянной Руси».

Еще в недрах XVIII столетия, вероятно в начале Екатерининской эпохи, одним безвестным крепостным был написан замечательный «Плач», поистине трагическая поэма отчаяния и возмущения:

О, горе нам, холопам, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить...

В горестных строках этой гневной публицистики автор восстает против неправды российских воевод и поддерживающих в помещиках варварский навык «нами, как скотом обладать».

Боярин умертвит слугу, как мерина,—
Холопьему доносу и в том верить не велено.
Неправедны суды составили указ,
Чтоб сечь кнутом тирански за то нас...

Поэма заканчивается глубоким стоном безнадежности и отчаянной мольбой о скорейшем конце.

Еще ярче и драматичнее дошедшая до нас песня — исповедь одного крепостного живописца. Она была случайно обнаружена в деле о беглом холопе, дворовом человеке князя Н. С. Долгорукова. В 1787 году этот крепостной художник бежал от «своего князя строгого» и в былинном стиле описал жестокий и колоритный быт полновластного самодура.

Это замечательнейший человеческий документ и редкий исторический памятник:

Ох, как был-то я добрый молодец во неволюшке,
Во неволюшке в доме господскиим.
Служил я своему князю верой-правдою.
Уж тому князю строгому,
Князю Николаю Сергеевичу Долгорукову:
Служил я ему тридцать лет,
Не заслужил я себе славы добрыя,
Славы добрыя, чести-милости.
Не видал я дней веселых,
А всегда я был во кручинушке.
Без резону он всегда гневался.
Без вины он нас наказывал,
Он наказывал нас все палочьем,
Апосля того под караул сажал,

[illegible]
Заставят работать в зеленом саду,
По прешпектам березовым,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Запретил он нам по ночам гулять,
[illegible]

В [illegible] XIX [illegible]

[illegible] ним тоном.

[illegible]

[illegible]

«горел желанием учиться». Сохранилось поразительное свидетельство одного современника: «Он весьма желает учиться по-итальянски для того, чтобы читать в подлиннике Петрарку и Тасса, знакомых ему по переводам русским»...

Таков был этот неведомый подросток из села Лопасни. Его ли вина, что имя Петра Борисова не дошло до нас в окружении литературной известности?

Жутки были судьбы крепостного искусства в России. Еще не собраны и не разработаны в цельной исторической картине те потрясающие эпизоды из жизни подневольных артистов, которые превращают историю ранних русских художников в сплошной мартиролог. В этом отношении все биографии поэтов-самоучек сходны. Последователи Слепушкина в начале столетия своими злоключениями сходятся с первыми учениками Кольцова. Рядовой Водкин, крестьяне Иван Кудрявцев или Григорий Бубнов, наконец представители позднейшей деревенской поэзии — одинаково отмечены этим тяжким клеймом социального гнета и творческой подавленности. Все они осуждены при несомненных дарованиях и литературной энергии на общую плачевную участь бесправных художников крепостничества, причастных своими замыслами и трудом к истории русского искусства, но лишенных признания современников и славы в потомстве.

Крепостные поэты — далекие и одинокие предтечи. Они должны были появиться и незаметно пройти по жизни, чтоб подготовить путь другим, сумевшим

расковать стихию народного песнетворчества и преодолеть ее первые мотивы.

Эта подавленная, униженная, поистине «кнутом иссеченная муза» открывала пути иным, более счастливым деятелям слова. Первые печатные выступления сельской плеяды промелькнули и погрузились в забвение. Поднималась новая волна крестьянского творчества:

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную вехпь.
С иными именами
Встает иная степь.
По голубой долине
Меж телок и коров,
Идет в златой рядине
Твой Алексей Кольцов.

Как бы не отличались эти звучные строфы Есенина от первых робких опытов крепостного творчества, нужны были примитивы Алипановых и Сибиряковых, чтоб через столетие полными голосами зазвучали песни олонецких, рязанских и тверских крестьян. Нужны были эти стоны «беглых холопов», «дворовых людей», денщиков, кондитеров, плотников или помещичьих мастеровых, чтоб словесное искусство, идущее из самых недр народного сознания, поднялось в следующих поколениях и развернулось, наконец, во всю свою безбрежную ширь.

Нужны были эти сельские идиллии, бытовые картинки и любовные жалобы, чтоб творчество старой деревни и крепостного завода окрепло бы и выпрями-

лось во весь свой рост, захватывая новые обширные, мощные и вдохновенные темы. От одиноких и безвестных крестьянских лириков XVIII века, через плеяду поэтов-самоучек 20-х годов оно разворачивается теперь в огромном плане всенародного искусства. И в этот момент его расцвета становится ясным, что забытая «школа Сленушкина» подготовила возглас нашего современника Клюева о песенном крестьянском творчестве его поры:

Умрут Кольцовы одиночки,
Но не лесов и рек молва...

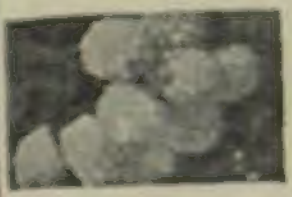
Поэзия народа уже превратилась в стихийный поток, в подлинную «молву» поколения. Эти живые голоса природных просторов или же городских верфей и машин наполняют нашу эпоху бодрящим гулом и отзвуками новой жизни. Богатство образов, словарное изобилие, стихотворное мастерство, звуковое и красочное разнообразие поэтов освобожденной России открывают новую эру в развитии русского художественного слова. Поэзия машин и заводов уже разлилась от «Байкала до теплого Крыма» широким и плодоносным разливом, отражая во всем ее героическом под'еме и мощной образности свою великую и бурную современность.

Нам показалось справедливым оторваться на мгновение от этого живого и могучего течения, чтоб обратиться сквозь дебри десятилетий к его далеким и забытым истокам.

Вышедшие книжки Библиотеки «Огонек».

ВАСИЛИЙ КАЗИН

РЕКИ ОГНЕННЫЕ



СОВРЕМЕННЫЙ КУДЕСНИК

В КОЛЛЕКТИВЕ

ПЛАСТЫ

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

М. ГОРЬКИЙ

В. ЮРЕНЕВА

Л. ТОЛСТОЙ

КРАСНАЯ МЕЛЬНИЦА

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПОЭТЫ

С. ШТРАЙХ

ЗАГОВОР и ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МЕНДЕЛЬ МАРАНЦ

УСТАЛОСТЬ

БЕЛА ИЛЛЕШ

Г. ГАУПТМАН

ЦЕНА КАЖДОЙ КНИЖКИ — 15 КОП.

Т-ВО
«КОНТРАГЕНТСТВО ПЕЧАТИ»

ЦЕНА 15 КОП.

0-2 г.

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ „ОГОНЕК"

Еженедельно ОДНА книжка:

1 мес.—50 к., 3 мес.—1 р 50 к., 6 мес.—3 р., 1 год—5 р.

Еженедельно ДВЕ книжки:

1 мес—1 р 3 мес—3 р., 6 мес —5 р 1 год—10 р.

АДРЕС:

Москва, Тверской бульвар, д. 26, телеф. 5-51-69.
Издательство „ОГОНЕК".

Главлит № 41266/а. Тип. ФЗУ им. Борщевского, Б. Садовая, 23. Тир. 50.000.